

Владимир Горбань

Выкрутас судьбы

Сборник избранных иронич
рассказов

Владимир Владимирович Горбань

Выкрутасы судьбы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17070748

ISBN 9785447444877

Аннотация

«Выкрутасы судьбы» – сборник избранных юмористических и иронических рассказов Владимира Горбаня, написанных им на протяжении трех десятков лет. Легкое перо автора, забавные сюжеты... это книга в основном о так называемых чудиках, тех людях, которые по иронии судьбы попадают в несусветные ситуации. И только чувство юмора, порой глубоко в них законспирированное, позволяет чудикам противостоять тем выкрутасам, с которыми они сталкиваются в жизни.

Содержание

Вместо предисловия	5
Как писать прозу	6
Оказия	8
Дед Григорий	10
Старики и разбойники	13
Межгалактический контакт	15
Неблагозвучная фамилия	17
Выкрутасы судьбы	19
Сердцу не прикажешь	20
Из Анталии с любовью	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

**Выкрутасы судьбы
Сборник избранных
иронических рассказов
Владимир Владимирович Горбань**

© Владимир Владимирович Горбань, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо предисловия

Разрешите представиться – Владимир Горбань – весьма пожилой (год жизни в России следует принимать минимум за два) журналист и писатель.

Я очень долго ломал голову над составлением своего резюме. Хотелось чтобы получилось оно и умным, и содержательным, и веселым. Чтобы оно ярким светом отражало все основные вехи моей богатой на события жизни, все этапы длинного и тернистого творческого пути: искания, мучения, сомнения, надежды и разочарования, взлеты и падения, борьбу с тщеславием и гордыней и при этом, чтобы было оно кратким и нескучным.

Хотелось захватить кусочек счастливого детства, частичку беззаботной юности, пару – тройку забавных мгновений бесшабашной молодости, а также некоторые эпизоды познавательной зрелости и уже наступающей на пятки неумолимой старости.

Отдельные абзацы хотелось бы посвятить былому увлечению спортом, алкоголем, женщинами, политикой, бизнесом, многочисленным встречам с сильными мира сего, авторитетами преступного мира. А также общению с киношными знаменитостями, золотыми голосами советской и российской эстрады, учеными, художниками, композиторами, слесарями, геологами, токарями, работниками сельского хозяйства. А еще военными, представителями правоохранительных органов, учителями, врачами, многочисленными поэтами и прозаиками.

А закончить свое резюме мне хотелось бы какой –нибудь умной и жизнеутверждающей фразой типа: «Все будет хорошо!»

Но я ничего путного так я и не придумал. Видимо, еще не пришло мое время полностью подвести черту...

Так что делайте выводы сами, читая мои рассказы, которые были написаны в разные годы, начиная с середины 80—х XX века. Рассказы, собранные в книге с соответствующим моей богатой биографии названием «Выкрутасы судьбы». Ей Богу я сам эти рассказы в разные годы написал...

Как писать прозу

Для того чтобы создать добротный рассказ или претендующую на успех повесть, начинающему автору необходимо знать 3—5 несложных правил.

Правило первое, основополагающее. Если можешь не писать – не пиши. Занимайся своим прямым делом, не изменяй родной профессии.

Правило второе, главное. Если совсем неможешь и уже взялся за перо, пиши о том, что хорошо знаешь, глубоко прочувствовал.

Правило третье, фундаментальное. Всякое произведение должно начинаться красиво и интригующе, независимо от избранного жанра. Например, повесть о деревенской жизни можно начать так: «Верхнереченский пастух Афанасий Егорыч знал в лицо каждую корову в своем стаде». А вот неплохая первая строка для детективной истории: «Полковник Вихрев, разжалованный за своенравный характер в рядовые, не спал четвертые сутки, ожидая в засаде коварных врагов». Роман о романтической любви желательно начать издали: «Она стояла у раскрытого окна в цветастой кофточке совсем босая, а в кронах цветущих черемух без умолка пел соловей».

Правило четвертое, факультативное. В каждом произведении желательно наличие сюжета, по возможности оригинального или хотя бы хорошо забытого. Сюжет повести о сельской жизни может развиваться так: верхнереченского пастуха Афанасия Егорыча переводят в плане обмена опытом скотником в соседнюю деревню Нижнереченскую. Удои у коров верхнереченского стада резко падают. Заведующий фермой, зоотехник и новый пастух не могут понять истинных причин и интенсивно лечат бедных буренок от бруцеллеза. В результате такой безжалостной химиотерапии коровы вовсе перестают доиться. Все в панике! Вдруг из города приезжает с лекцией известный психотерапевт, гипнотизер и маг в пятом поколении. Этот чудо – целитель за один сеанс излечивает всех бабок и алкоголиков. Его уговаривают посетить ферму. Он долго отказывается, но после того, как его ни за что просит самая красивая в округе доярка, эскулап великодушно соглашается. Экстрасенс, гипнотизер и маг вступает с коровами в диалог на языке медиков – латыни – и выясняет истинную причину их болезни. Оказывается, буренки тоскуют по своему прежнему пастуху и им вовсе не хочется жить. Афанасия Егорыча в приказном порядке возвращают в родную деревню. Его встрече с коровами посвящается отдельная глава, которая заканчивается утверждениями о резком возрастании удоев. Эту сентиментальную повесть можно завершить такой фразой: Афанасий Егорыч плакал в своей жизни лишь дважды. Первый раз от горя, когда покидал свою малую родину, а теперь от радости возвращения домой после долгих мытарств на чужбине».

Сюжет детективной истории стоит по возможности предельно запутать. Ход мыслей может быть таковым. Бывшего полковника Вихрева вовсе выгоняют из органов. Так называемые друзья – сослуживцы от него отвернулись, жена бросила. Напасти одна за другой преследуют Вихрева: сгорает квартира, угоняют автомобиль, а сам он в восьми местах ломает правую руку. И все это – происки хорошо организованной преступности. Однако бывший полковник не сдаётся. Он учится стрелять левой рукой, сходится с другой женщиной, поселяется в ее квартире, пользуется ее автомобилем и помощью ее друзей. В итоге Вихрев выслеживает преступников и устраивает им засаду. Отдельная глава посвящается рукопашной схватке, пальбе и завершается пленением особо опасных преступников. Ими оказываются бывшие сослуживцы рядового Вихрева. Заключительный аккорд может звучать так: «Вихрев был произведен в звание генерала и представлен к правительственной награде. Однако к бывшей своей супруге так и не вернулся».

Любовный сюжет не обязательно выстраивать замысловато. Достаточно внешнего эффекта и внутреннего драматизма. Допустим, она его долгие месяцы ждет, а он об этом еще не знает. Пусть как можно чаще посвистывает соловей, а ночи будут сырыми и зябкими. Пусть он будет моряком дальнего плавания или ушедшим на битву ратником. Хэппи – энд предпочтительнее, хотя обоюдных слез должно быть пролито немало. Закончить эту историю можно кратко: «И жили они долго и счастливо, и оба умерли в один день на Страстной неделе».

Правило пятое, необязательное. Если вы все же решили следовать моим правилам – можете ограничиться первым.

Оказия

Два известных профессора – орнитолога возвращались с утренней экскурсии. Полуденная жара уже закралась под пышные кроны деревьев не густого леса, пение умиротворенных духотой птиц смолкло, полыхающее солнце слепило глаза. Однако оба старика выглядели весьма свежо, живо вели малопонятную нам беседу, часто употребляя жуткие термины, латынь и смачные словечки, укоренившиеся в их лексиконе коллег еще со студенческих лет.

Ежики незатейливых причесок, отливающиеся почтенной сединой, остренькие редкие бороды, высокие лбы, изрезанные мелкими поперечными морщинками, худые шеи с навешанными на них биноклями и фотоаппаратами и шныряющие во все стороны выразительные глаза делали старичков почти неотличимыми друг от друга.

Ловко вскарабкавшись по склону песчаного холма, Александр Викторович Облаков первым обнаружил оказию.

– Коллега! – вскричал он восторженно, – Смотрите, Владимир Ильич, вы видите?

– Да, Александр Викторович, я ее еще чуть раньше заметил, почти у самого подножья холма, – спокойно произнес профессор Бараев.

– Кого её? – недоуменно спросил Облаков.

– Ну, как же. В ста метрах на северо – восток на сухом одиноком тополе я вижу молодую самку ушастой совы.

Профессор Облаков на мгновение опешил. В ста метрах на северо – восток на сухом одиноком тополе он отчетливо видел обыкновенного сыча.

– Коллега, – напевно протянул Облаков, – это же самец обыкновенного сыча. Обратите внимание на его характерную посадку, на то, как он головой крутит, наконец.

– Мой друг, вы несколько ошиблись, – с едва заметной укоризной сказал Владимир Ильич, поднимая бинокль к глазам. – Вы посмотрите на ушки, ушки – то как явно торчат. А когти? Где вы видели такие когти у сыча?

– Коллега, – нервно заикаясь от нахлынувшего волнения, спросил Облаков, также разглядывая предмет спора в бинокль, – Какое у вас увеличение?

– Двенадцать крат, – гордо ответил Бараев.

– То – то, Владимир Ильич, то – то. С вашим то, увеличением, – и он сочувственно махнул рукой. – Не то, что в лесу, в женском общежитии делать нечего. Вы на клюв посмотрите. Вы обратили внимание на клюв?

– Да что клюв? Что клюв! Вы что не видите, дорогой Александр Викторович, что у этой птицы глаза светло – желтые? Вы в каком университете учились?

– Ну, знаете, Владимир Ильич, – преднамеренно растягивая слова, съязвил Облаков, я вижу, разбираетесь вы в ночных хищниках, как моя вторая теща в эволюции грызунов.

– Что?! – вспыхнул Бараев. – Это я – то не разбираюсь? А кто, по – вашему, написал монографию по полярной сове? Кто защитил докторскую диссертацию по орнитофауне Нижнего Поволжья? И кто читал лекции по зоологии позвоночных в нашем университете до недавнего времени?... Хм, я не разбираюсь... Подумаешь, специалист выискался!

– Что вы в меня пальцем тычете? – обиженно воскликнул Облаков. – Я автор семнадцати статей и двадцати одного тезиса по хищным птицам!... И печатаюсь, между прочим, в авторитетных журналах.

– Что? Журнал «Биология и домоводство» вы считаете авторитетным журналом? Боже мой, какая наивность! Вы бы еще в «Мурзилке» напечатались.

– «Биология и домоводство»? А что, нет? Да его главный редактор академик Бурев ученый с мировым именем, один из известнейших специалистов по экологии домашних птиц!

– Кто! Бу – рев? – ядовито усмехнулся Бараев. – Этот прыщ знаменитейший орнитолог? Этот законченный маразматик – светило? Да он даже не знает, как ворону по латыни назвать! Это он – то специалист? Ну, знаете, коллега!

– А кто – же, ваш прелюбезнейший Шламов – специалист? Тоже мне – деятель науки. И вы перед ним как собачка, ти – ти – ти, ти – ти – ти, на задних лапках. Уважаемый Савелий Петрович. Уважаемый Савелий Петрович! Как ваше бесценное здоровье? Ти – ти – ти, ти – ти – ти. Авторитетный ученый! Да над ним же весь мир хохочет. И как это такие бредовые мысли так обильно лезут в голову, посещают его могучий мозг? Вот уж действительно, дурные мысли могут прийти только в абсолютно дурную голову, примером которой и является то утолщение шеи, к которому вы с таким вниманием прислушиваетесь!

– Ах, вам, милейший мой, не по нутру гипотеза Савелия Петровича? Ни вы, ни этот ваш сморчок из зоологического института ни черта в ней ничего не смыслите. Да что вы, собственно говоря, можете предложить взамен? Вы и вся ваша шайка – лейка?

– Что? Это моя то кафедра – шайка – лейка?! Стыдитесь, Владимир Ильич. Эта ваш аспирант Кругликов сдал кандидатский экзамен по специальности лишь с третьего захода, а соискатели защищаются по пятнадцать лет. Это ваш доцент Груздев вместо «млекопитающие» сказал «млекопитающиеся». Да где? На международном симпозиуме!

– Причем здесь Груздев? – резко перебил его Бараев. Он уже второй год как на пенсии. Кстати, это вы были его официальным оппонентом по кандидатской диссертации. Что же не критиковали, а молчали в салфеточку?.. А то я смотрю, аспирантка Градова берет уже второй академический по факту очередной беременности.

– А что Градова? – затараторил Облаков, – Причем тут Градова? Я сам по себе, она сама по себе.

– Ладно, ладно, Александр Викторович, весь факультет знает о ваших шашнях. Стыдитесь хотя бы студентов. Уж я не знаю, право!

– А у вас, между прочим, дорогой Владимир Ильич...

Так увлечено перебраниваясь, профессора неожиданно для себя уперлись в тот самый злосчастный тополь. Первым очнулся профессор Облаков. Он резко вскинул взгляд на верхушку дерева и оторопел. Его волнение пополам с жутким ужасом передалось Бараеву, тот победно ухмыльнулся и уверенно глянул вверх. Его улыбка мгновенно сошла с лица, которое тут же передернулось от налетевшего оболешения. На сухом тополе сидела не ушастая сова и не обыкновенный сыч. Это по весне юннаты прибили новый скворечник.

Дед Григорий

Для многих станичников дед Григорий был личностью незаурядной, даже легендарной, своего рода местной достопримечательностью, родимым пятном. И о том, что он гонит самогон, причем самый лучший в округе, было известно всем от сопливых пацанов до дряхлых старцев. И никого это не удивляло, и даже можно уверенно сказать, зная привычки и обычаи станичников, что удивило бы их скорее обратное, а именно, если бы дед Григорий бросил заниматься своим любимым делом.

Сменялись генеральные секретари, рождались, вырастали и уезжали в город дети, неуклонно заглублялись окрестные овраги, периодически что – то преобразовывалось, менялось, но все это никак не влияло на дедово пристрастие, на его природный, познавательный интерес, дотошность и смекалку. Не менялась и такса. Как стояла трехлитровая банка ядерного первача червонец, так и никакие разорительные реформы не поколебали дедовых взглядов на ценообразование. Ни у кого из местных и мысли не возникало затевать что – либо не хорошее против деда Григория. Да и как можно было затевать какую – нибудь пакость против всеобщего любимца. Однако, все же одно такое посягательство, сразу после печально известного указа о борьбе с пьянством и алкоголизмом, таки случилось.

От некоего Доброжелателя с красивым и ровным почерком местный участковый Сашка Хват стал регулярно получать анонимки, в которых неизвестный грамотей мастерски рассказывал всю звериную и кулацкую сущность деда Григория. А так как Сашка Хват был не особый мастак в канцелярском деле и, честно говоря, ни хрена не знал, что же он обязан делать с подобными депешами, да еще потому, что обличаемый доводился ему троюродным дедом, который частенько угощал своего внука целебным зельем, то подобная документация транзитом препровождалась в Сашкин сортир. Там она аккуратненько подкалывалась на соответствующий ржавый гвоздик. Вот уж, действительно, бумага все стерпит!

Доброжелатель явно был нездешним, так как не знал реальных масштабов местной мафии, то есть и не предполагал даже, что не только председатель колхоза, но и все правление по веским причинам покрывало дедово увлечение. Кроме того, графоман оказался весьма настырным, и Сашка уже серьезно подумывал о том, чтобы не выписывать на будущий год газет. Зачем попусту тратиться, когда и казенную бумагу не успеваешь расходовать.

Но вдруг незнакомец замолк. Сашка не просто удивился этому, он обиделся до корней волос. Все же ему было приятно, когда в очередной раз к нему обращались на Вы, по имени и отчеству, официально и со значением. После таких писем Сашка надевал свой милицкий картуз, важно расхаживал по улице, по петушиному задрав голову, здоровался через одного и пренебрежительно бормотал: «Ну, ты мне еще поговори», – особо непочтительным станичникам. Однако Доброжелатель оказался гораздо хитрее и коварнее, чем это предполагалось. Он не успокоился и стал писать выше, аж самому начальнику РОВД Ивану Ивановичу.

Иван Иванович еще мальцом знал деда Григория. И не просто знал, а был им дважды бит хворостиной после того, как неудачно оба раза слазил в дедов огород за малиной. К тому же, вторая его теща доводилась племянницей деду Григорию. Иван Иванович строил свои отношения с тещей традиционно, и если сюда еще добавить детские обиды, то можно себе представить те глубокие чувства, которые переполняли вспыльчивое и капризное сердце усердного служаки, когда ему на стол легло аккуратное письмецо без обратного адреса, но с неопровержимыми уликами.

Иван Иванович не привык мешкать. Он был научен принимать меры и потому предвзительно прокашлявшись, а без этого командный голос не получался, он решительно, хотя и с восьмого раза, набрал заветный сельсоветский номер телефона. Заканчивался обеденный

перерыв, и потому трубку сняла бабка Лукерья, которая уже домывала полы и собиралась запирать сельсовет. Время стояло напряженное, сенокосное.

Иван Иванович постарался покультурнее объяснить нерадивой бабке, что завтра он де сам лично прибудет с обыском, что Сашка Хват нашел заранее понятых, да потолковее, да чтоб те были трезвыми и что завтра спозаранку они будут «вязать деда Григория».

Однако речь у него получилась невнятная, необедительная, слова подобрались какие – то невыразительные, и от всего сказанного веяло газетной казенщиной. Да и бабка Лукерья усомнилась в том, что звонит высокий начальник, аргументируя свое сомнение тем, что, мол, районное начальство так не разговаривает, а другое для нее не указ. Поэтому Иван Иванович еще раз, от души, как это водится, без стеснения, доходчивыми для бабки понятиями объяснил самую суть и напоследок пообещал содрать семь шкур и все такое прочее.

Теперь бабка усекала, прониклась важностью поручения, и побожилась всеми святыми исполнить все, как ей было дважды приказано. Иван Иванович бросил вспотевшую трубку на рычаги телефона, смачно выругался и для порядка устроил разнос своему шоферу, ибо знал твердо, попроси по хорошему, завтра в самый ответственный момент либо колесо спустит, либо какая – нибудь гайка отвинтится, либо и то, и другое случится одновременно. И лишь выплеснув вскипевшие страсти наружу, Иван Иванович успокоился, пришел в хорошее настроение и, насвистывая прошлогодний шлягер, взялся за составление плана – графика дежурства районного ДНД.

Бабка Лукерья в революцию была неплохим филером. И она точно знала, что Сашка Хват вторую половину дня проводит с полногрудой Любкой, рано овдовевшей блондинкой, которая в свои тридцать с небольшим лет не потеряла глубоких чувств и понятных желаний. Именно туда, на другой конец станицы и направила бабка Лукерья свои больные стопы и как могла, в меру своего дремучего склероза, передала суть приказа в миг обалдевшему при этом Сашке.

Тот стоял с выпученными глазами, без рубахи и босой на свежескрашенном крыльце и не мог понять, то ли бабка съехала с ума, то ли дело действительно «труба» и надо срочно что – то предпринимать.

Но тут выскочила бесстыжая Любка, вся раскрасневшаяся и взволнованная, с распущенной косой, в замызганном, наспех наброшенном халате, перекинулась с бабкой матюгами и сделала следующее заключение: деда Григория надо срочно спасать.

Дед Григорий жил у Любки в соседях, если мерить напрямки огородами, то метров триста, так что Сашка, чтобы не терять драгоценного времени, прямо полунагишом, без рубахи и сапог ломанулся по картошке, сигая из стороны в сторону, будто затравленный заяц.

Дед по своему обыкновению сидел на крыльце и мастерил сигарки. При виде несущегося Сашки дед приподнялся на ногах, приложил руку к папахе, но все равно не признал охальника и в сердцах обложил участкового отборным фольклором на предмет варварского топтания грядок.

Сашка подлетел к деду и долго сбивчиво объяснял, крутил в воздухе руками, показывая в сторону райцентра. Говорил, что все фляги надо срочно опорожнить, вымыть, аппарат обязательно спрятать в надежном месте, что делать все это надо срочно, прямо сейчас, а то будет поздно, что горит деду большущий штраф, и что если нужно, то он попросит Любку и та ему во всем поможет.

Дед Григорий воспринял такую весть без эмоций, успокоил Сашку, налив ему два стакана по двести первой классной бражки, и пообещал к вечеру навести у себя полный порядок. Сашка довольный и под «мухой» вернулся к Любке доедать поостывшую яичницу.

Дед же вошел в избу, окинул хозяйским взглядом свой пятистенок с одиннадцатью окнами, заглянул поочередно в каждую флягу. Эту пора перегонять, вон та подоспеет через два дня, эта еще играет, а вон ту только вчера зарядил. Ну, как такое богатство вылить?

Да пропади они все пропадом! Да не выдержит же его, не знавшее инфарктов, но одинокое и измученное бесконечными обещаниями лучшей жизни сердце такой потери. Старуха померла, дети давно поразъехались. Самогоноварение было вовсе не наживой, а единственным увлечением, последним интересом в жизни. Отними его – и нет деда.

Первую флягу дед к вечеру выгнал. По старому обычаю казаки вбивали в подоконники сбоку гвоздики, а зимой подвешивали на них пустые бутылки, и сконденсировавшаяся на стеклах влага по каплям стекала в них. Дед Григорий снял с гвоздиков пустые бутылки, заполнил их самогоном и повесил вновь. А в освободившуюся флягу он налил кипятку, добавил немного стирального порошка. Побултыхал содержимое тряпкой. Да разве же отмоешь этот въедливый запах! Пустая затея. Захлопнул дед крышку, выкатил флягу на видное место, укутал ее телогрейкой и отправился спать.

А на утро, чуть свет, подкатил к дедову крыльцу «уазик» и из него вышли в порядке важности Иван Иванович, его заместитель по политической части, Сашка Хват, Егор Меринов и Степан Полуянов. Двое последних «гостей» были представлены деду как понятые. Дружно ввалились в избу, сладкий запах бражки с потрохами выдал деда. Иван Иванович открыто злорадствовал. Сашка угрюмо смотрел в сторону, понятые тайными знаками давали понять деду, что они тут не причем, подневольное, дескать, дело.

Стали составлять протокол. Иван Иванович открыл первую флягу, нюхнул содержимое и радостно законстатировал: бражка. А дед гнет свою линию: не бражка и все. Судили – рядили еще пару минут, а затем Иван Иванович решил произвести экспертизу на месте. Подозвал он первого понятого, помятого, болеющего с похмелья мужика, зачерпнул до краев литровую кружку из той самой фляги и протянул на пробу. Тот отхлебнул, скривился весь и выдал печальный результат: не бражка. Ну что же, его, Иван Ивановича, не объегоришь, он то знает, что там во фляге. Это Егор покрывает деда, не хочет выдавать старика. Что ж, ему это зачтется. Подозвал Иван Иванович второго понятого, тот хлебнул из кружки и тоже мямлит: не бражка, мол. Ладно, и ему это просто так не пройдет! Сашка Хват попробовал из кружки, аж передернулся весь и тоже туда же: не бражка и все. И какого же было удивление районного начальника, когда и его заместитель по политической части, бывший инструктор райкома партии, отрицательно покачал головой. Тут уж Иван Иванович не выдержал, он понял, что они все сговорились против него. Но ведь его все равно не проведешь, он то вкус браги знает хорошо, и после короткого ехидного тоста за здоровье деда и всех присутствующих он одним махом ахнул из кружки сам. Дыхание его тут же перехватило, рот наполнился противной вонючей пеной, желудок съежился. Иван Иванович стоял посреди хаты с пустой кружкой в руках, пузыри на его губах быстро надувались и переливались всеми цветами радуги. Сквозь них он спросил у деда о той дряни, которая находится у него во фляге.

Дед Григорий был мужиком основательным, рассудительным, спешки не любил. Дело, мол, обычное, бабка у него недавно представилась, а соседские старухи, которые ее отпевать приходили, строго – настрого наказали, что воду, в которой ее обмывали, по старому поверью, нельзя полгода выливать. И никакая это вовсе не бражка, а та самая вода, в которой бабку, перед тем как похоронить искупали.

Рвота открылась у всех пятерых одновременно. Иван Иванович, загремев в прихожке помойными ведрами, тараканом вылетел во двор, матерно охая, сквозь лопающиеся мыльные пузыри.

«Уазик» удалялся, прыгая на кочках так, что на повороте отвалилось запасное колесо. Начальник милиции спешил в районную больницу промывать желудок.

А дед Григорий стоял на своем покосившемся крыльце и застенчиво улыбался в усы, попыхивая сигаркой. День только начинался, настроение было хорошее.

А вот кто наклеузначал на деда, так до сих пор и неизвестно.

Старики и разбойники

– Слышь, Добрыня, малому больше не наливай, – сурово промолвил кряжистый старец, ухватив граненый стакан могучей ладонью, в которой тот смотрелся не больше наперстка. – Алешка как только врежет лишку, так его на барышень тут же тянет. А нам расслабляться нельзя, нам службу надо ратную нести.

Тут, как по волшебству, двери сторожки распахнулись, и в комнату влетела перепуганная Анфиска, председателева секретарша.

– Дядя Добрыня, дядя Илья, – затараторила она умоляюще, – Там Петрович вас спешно просит, нужны вы ему позарез!

– Что там опять приключилось? – повеселел Илья. – Опять набег что ли?

– Да нету времени мне тут вам подробности пересказывать. Собирайтесь скорее, да эти, как их там, кольчуги свои надеть не забудьте!

– Что, так серьезно? – удивился Добрыня.

– Да не ведаю я толком, – защебетала Анфиска, – только дело срочное. Вы поспешайте, а я побегу. Очень уж любопытно посмотреть, чем же все это закончится.

И, хлопнув дверью, пуще ветра пронеслась перед окнами.

– Вот, егоза! – заулыбался Алеша. – Княжну Ольгу мне напоминает.

– Ну, ты, донжуан с картины Васнецова! Ты с нами пойдешь или эротику по видуку смотреть останешься?

– Эх, Илья, Илья! – закачал Алеша головой. – Сколько уж лет мы вместе службу ратную несем, сколько ворогов земли русской на копья свои нанизали, сколько меда – пива за одним столом выпили, а так ты душу мою тонкую, поэтическую и не понял. Ладно, где моя кольчуга?

Старцы по очереди, осторожно, чтобы могучими плечами не вырвать дверные косяки, вышли во двор. Со стороны правления раздавались какие то истерические вопли.

– Как пить дать – набег! – нахмурился Добрыня. – Пойдемте живее.

И старцы прибавили шаг.

– Эх, палицу я свою забыл, – пожаловался Илья. – Склероз ведь у меня. Что ж ты мне, Добрыня, про нее не напомнил?

– А у меня, что думаешь, геморрой, что ли? – обиделся Добрыня. – Да у меня склероз похлеще твоего будет. Это вон Алешка все помнит. Особенно по амурной части.

У правления старцы заметили два «Мерседеса». Вокруг толпились молодые бритоголовые парни в кожаных куртках, спортивных штанах и кроссовках импортного пошива. Один из них держал председателя за горло и что – то ему с пеной у рта злобно объяснял.

– Эй ты, сморчок в подштанниках, – пробасил Илья, – ты пошто это председателя нашего за кадык держишь?

Бритоголовый отпустил Петровича и с любопытством уставился на старцев. Постепенно мутные его глаза стали наливаться новой порцией крови.

– Крыша моя, – прохрипел Петрович, – представляя старцев.

– Эти дрова? – ядовито ухмыльнулся бритоголовый.

– Кто такие и откель? – грозно спросил Добрыня, нервно подергивая плечами.

– Мы? – удивился бритоголовый. – Мы – рэкетеры. Дань собираем. А вы, старикашки, шли бы вон туда, – и наглец указал в сторону мельницы, – кладбище, по – моему, там.

Кожаные дружно заржали.

– Рэкетеры, – задумался Алеша и начал перечислять, загибая пальцы, – половцев били, печенегов били, хазаров били, монголо – татар били. Деникинцев, помню, били. Кто такие рэкетеры? Немчура, что ли?

– Крест! – заорал бритоголовый. – Убери стариканов с горизонта!

Молодой, атлетически сложенный юноша выскочил из толпы рэкетиров и подлетел к Алеше, дико щерясь:

– Вали отсюда, пень трухлявый, пока я тебе чакан не расколочил!

– Чудно говорят, точно басурман. Ты, Добрыня, хоть что – нибудь уразумел из его речи?

– Крест присел в какой – то вычурной позе и с криком «киа» рванулся к Алеше, пытаясь пяткой угодить ему в лицо.

– Что ж ты такой нервный? – удивился Алеша, хватая рэкетира за пятку. – Куда ж ты ногу свою суешь, лярва ты поганая?

Алеша сжал в кулаке вражескую пятку, раздался хруст костей и звериный вопль рэкетира. Алеша разжал кулак. Крест рухнул у его ног, извиваясь, словно обезглавленная змея, задыхаясь от собственного крика.

Бритоголовый знаком подал команду. Кожаные выхватили нунчаки.

– Ну, козлы! – завопил бритоголовый, переходя на мат. – Щас мы вас в натуре уроем!

И рэкетирь «свиной» двинулись на богатырей.

– Слышишь Добрыня, – поинтересовался Илья, – что это они за хреновины в руках крутят? Чудные, вроде французских мушкетеров. Жаль, палицу я свою дома оставил.

– Как дома? – удивился Алеша. – Это ведь у вас склероз, а по моей молодости этой болезни не полагается. Держи, Илья, свою палицу.

И Алеша протянул Муромцу его оружие.

– А ну, разойдитесь, други, – допросил он Алешу с Добрыней, поплеывая на ладони, – а то зашибу ненароком. На глаза я что – то стал слаб в последнее время!

Кожаные резко остановились, попятнулись, но Илья уже раскрутил свою семипудовую палицу. Налево махнул – и вколочил бритоголового в землю, как гвоздь, по самую шляпку. Махнул направо – и груда металлолома осталась от «Мерседесов». Махнул прямо... Да зря старался. Вороги врассыпную тикали в сторону мельницы.

Опустил Илья палицу, подмигнул председателю, развернулся в сторону дома и, побрел не спеша, своею дорогою. Рядом с ним шли неразлучные его сотоварищи Добрыня Никитич и Алеша Попович. Ливонцев били, – загибал пальцы Попович, – тевтонцев били, шведов били, немцев били. Петлюровцев, помню, с махновцами били. Буденовцев с чапаевцами тоже били...

Когда же покой да благодать – то на Руси настанут?!

Межгалактический контакт

Дело было так. У меня в огороде НЛО приземлился. Ну, это тарелка такая большая, куба на три емкость, если кто не видел. Прямо на грядку с редиской сели. Я выхожу, значит, из погребки с лопатой, а они гуськом возле своего аппарата ходят и меня вроде как не замечают. Махонькие все такие, лупоглазенькие, ушки торчком, нос пяточком, на головах лампочки мигают. И спецовки на них блестящие без пуговок.

Я аж лопату выронил. Вот, думаю, беда – то приключилась. Не иначе грех какой за мной водится. Или старуха опять чего – то набедокурила.

Тут они в ряд выстроились, а один из ихней бригады, видно старшой, обернулся ко мне и пальцем к себе манит. У меня от страха аж сердце стучать перестало. Боюсь и шаг ступить, а меня, вроде как кто – то в спину подталкивает. Подхожу на дрожащих ногах, руки и вовсе пляшут. А старшой ихний вроде как мысленно меня спрашивает:

– Не вы ли господин Стропилин Кузьма Егорович являетесь законным собственником этого жилого строения и прилегающего к нему садово – огородного участка?

Я голову напряг и мысленно ему отвечаю:

– Оно, конечно, как сказать. Вроде как владельцы мы. Давно уже тут живем. Тутешние с самого малства, прямо от рождения на свет. А ежели что не так, то извиняйте, товарищи.

Тут старшой вроде как улыбнулся, руку себе на плечо положил и молвит:

– Мы – космические пришельцы из Бета – мя галактики, четыре тысячи семьсот пятьдесят третьей звездной системы, планеты Мня – мяю. Цель нашего визита – поиск братьев по разуму. Но при снижении на вашу планету в плотных слоях атмосферы у нас разгерметизировался центральный люк. Мы хотели бы рассчитывать на вашу любезность и позволение произвести замену прокладки люка. Не волнуйтесь, это не займет много времени. Наш механик управится с ремонтом за одни земные сутки.

– Да за ради Бога, – отвечаю. – Дело это нам знакомое. Я когда до пенсии трактористом в колхозе работал, так мой ДТ по три раза в день ломался. И ничего, покопаюсь в моторе с часок, и опять он у меня как новенький. Так что располагайтесь. Места у нас много, всем хватит. Ежели понадобится, то я и инструмент могу принести: отвертки, ключи, молоток.

Старшой окончательно просиял и говорит:

– Большое душевное вам спасибо Стропилин Кузьма Егорович. Вы – чуткий и порядочный человек. Нам очень приятно осознать, что первая встреча с братьями по разуму происходит в такой тёплой и дружеской обстановке.

А тут старуха моя как назло из избы выходит. И видит – редиска вытоптана. Я аж за всю цивилизацию покраснел и ласково ей так намекаю:

– Марфуша, гости к нам прилетели. Инопланетяне из Бета – мя галактики. Ты пошла бы, поставила самовар, душенька.

А она уже руки в бока уперла. И прямо, с крыльца хай поднимает:

– Каки – таки гости, старый ты дурак! Я два дня на карачках ползала, редиску сажала, а эти выродки и недоноски все в землю затоптали!

Я было взялся за пришельцев заступиться:

– Дак авария у них приключилась. Вот они и упали на нашу грядку.

А Марфуша ещё сильнее вскипятилась:

– Ты мне их тут не выгораживай, а то я вас сейчас скопом скалкой отхожу! Нашелся заступник. Ну, ничего. Сейчас вы у меня, коллективно барыню под дубину спляшете!

И умыкнула в сени. Тут я и вовсе заикаться стал. Телепатирую ихнему бригадиру:

– Ребята, голубчики – соколики, сами видите старуха у меня взбалмошная. Оно бы, конечно, ничего, да как знать. Я – то не против межгалактических контактов, я, можно ска-

зять, наоборот, с превеликой радостью! Но старуха у меня чересчур боевая. Бывает, скандалит. А со скалкой и вообще страшнее зверя. Рука у неё тяжелая, по себе знаю. Вы бы, голубчики – соколики, лучше другое место для ремонта отыскали. От греха подальше. А то, как бы того, межпланетного скандала не вышло.

Смотрю, а старшой ихний и сам сдрейфил. Замахал руками, что – то пискнул своим однопланетянам, и они быстренько всем своим кагалом в люк попрыгали. Завели свой бесшумный мотор и фьют, как птица белая, под небеса взлетели. И, слава Богу, успели. А то ведь я за свою старуху не ручаюсь. Гром – баба!

Неблагозвучная фамилия

Павел Семенович Голопупов, мужчина солидный и рассудительный, бороздил из угла в угол «акваторию» своей комнаты, которая служила ему кабинетом. Валерьянка не помогла, даже сигареты, ранее безошибочно успокаивавшие его склонную к впечатлениям душу, были бессильны.

– Ну почему все так несправедливо? Почему у всех фамилии как фамилии?! – сокрушался Павел Семенович. – Вот у Петрова, к примеру, фамилия – Петров. Звучная фамилия, слух ласкает! С Петром Великим ассоциируется, с героизмом российским. Или у Соколова фамилия! Да с такой фамилией хоть в огонь, хоть в воду полезай! Хоть в медные трубы! А у меня? – Павел Семенович горько вздохнул. – Голо – пупов! Голый пупок!

И Павел Семенович вспомнил, что так именно и дразнили его в детстве соседские мальчишки и одноклассники... Ох, сколько раз приходилось ему в ту пору отстаивать поруганную честь и достоинство кулаками! А сколько синяков и шишек доводилось сводить с собственного лица!

– Эх, судьба – злодейка! – Павел Семенович закурил. – Всю жизнь я – Голопупов! В школе учился – Голопупов! В университете грыз бальзам наук – Голопупов! И женился как Голопупов! И дети родились все до одного Голопуповы!

Последняя мысль почему – то особенно больно отозвалась в сердце Павла Семеновича.

– Нет, хватит, баста! Доколе?! Не хочу я больше быть Голопуповым! Надоело! Шестьдесят лет уже как Голопупов! Пора бы и честь знать!

Идея стать Неголопуповым вскружила голову Павла Семеновича настолько, что он решил поделиться ею со своей женой Людмилой Сергеевной:

– А что, не век же мне вековать Голопуповым!

Людмила Сергеевна готовила на кухне кофе.

– Людочка! – голос Павла Семеновича предательски задрожал. – Я хотел бы с тобой посоветоваться по одному очень... очень щекотливому вопросу. Мне кажется...

Людмила Сергеевна перевела взгляд с кухонной плиты на бледное лицо супруга. Глаза его мерцали устало и покорно.

– Мне кажется, Людочка, что наша фамилия Голопуповы, м – м, – Павел Семенович на мгновение запнулся. – Наша фамилия какая – то неблагозвучная. Тебе так не кажется?

Людмиле Сергеевне так не казалось. Ее девичья фамилия была Цветкова. Но, встретив, тридцать пять лет назад Павла Семеновича, тогда еще просто Пашу, Павлика, она страстно в него влюбилась. А через год вышла за него замуж. И безропотно стала Голопуповой. А еще через два года родила сына, потом вскорости дочь. И за все счастливые годы замужества ей ни разу в голову не приходила блажь, будто фамилия у нее неблагозвучная.

– Ты пойми, Людочка, вот, к примеру, взять, у Соколова фамилия – Соколов. Звучная фамилия! Гордая! Респектабельная! А у нас что?

Нормальная фамилия, – устало промолвила Людмила Сергеевна. – Что это ты на старости лет на свою фамилию обиделся?

– Да, понимаешь! – Павел Семенович завозился. – Прямо не знаю, как это тебе объяснить. Проснулся я сегодня утром с этой мыслью. Ношу ее в себе как вирус какой – то! Разъедает она меня изнутри. Не хочу быть больше Голопуповым! Надоело! Хватит! Баста! Желаю быть Неголопуповым!

Людмила Сергеевна обиженно пожала плечами, разлила по чашкам крепкий кофе.

– Понимаешь, – не унимался Павел Семенович. – Прямо не знаю, как тебе это объяснить. У других фамилия как фамилия. Вот, к примеру, у Петрова фамилия – Петров. Звучит?

С Петром Великим ассоциируется! А с чем наша фамилия ассоциируется? С голым пупом? Вот ты, к примеру, хотела бы носить фамилию Соколова, или, в крайнем случае, Петрова?

Людмила Сергеевна взяла свою чашку и, молча, удалилась из кухни. Павла Семеновича же обида прямо таки распирает изнутри. Он отхлебнул кофе, сходил в ванную, умылся, вернулся на кухню, еще отпил несколько глотков и, окончательно удрученный, отправился в свой кабинет. Закурил.

– Вот у Петрова... – свербело в мозгу.

Он решительно снял телефонную трубку, набрал номер. На том конце провода к аппарату долго никто не подходил. Наконец, молодой звучный голос отозвался.

– Алло! Алешка? – Павел Семенович не на шутку разволновался. – Слушай, я хотел бы с тобой посоветоваться по одному деликатному вопросу.

Алешка на том конце провода внимательно слушал.

– Тебе не кажется, что фамилия наша какая – то неблагозвучная? Вот у Петрова, к примеру, фамилия – Петров. Сразу навеивает что – то звучное, уважаемое. Или вот у Соколова...

– Ты ради этого мне позвонил? – Алешкин голос сник.

– Да, понимаешь, мысль эта ко мне с утра привязалась как...

– Ну, ты, отец, даешь, – обиделся Алешка. – Тебе что, мыслить больше не о чем? У меня через неделю защита докторской диссертации! Я весь на нервах тут. Ни сна, ни покоя не знаю. А тут ты еще со своими глупостями достаешь!

И Алешка повесил трубку.

Павлу Семеновичу сделалось стыдно. Все же зря он Алешке позвонил. У сына защита на носу, а он, вроде как, и забыл. Действительно – глупо. Павел Семенович вновь затянулся дымом.

– И чего это я, действительно, зациклился на своей фамилии? Подумаешь, Петров, Соколов! Ну, буду я, к примеру, Неголопуповым, – мысли его потекли ровнее, сердце перестало яростно стучать. – А кто тогда, получается, в школе учился? Кто базальт наук в университете грыз? И кто женился, наконец? Дети – чьи тогда?

Докурив, он и вовсе успокоился. А, успокоившись, вспомнил о своей супруге.

– Вот и Людочку обидел своими глупостями! – сокрушался он. – Она – то здесь причем?

Павел Семенович вспомнил о недопитом кофе и, сияющий и довольный, пошел на кухню. Людмила Сергеевна отмывала посуду.

– Людочка, ты обиделась на меня? – вкрадчиво спросил Павел Семенович, повинно заглядывая супруге в глаза. – Прости, я ведь пошутил.

Людмила Сергеевна уклончиво молчала.

– Ну что ты, что ты милая! – Павел Семенович обнял ее нежно, как в молодости бывало. – Шутка это была. Шутка. Ты что, думаешь, раз я академик, директор института, то мне и пошутить уж нельзя?

Выкрутасы судьбы

Представьте себе: он молодой, высокий, статный, самый симпатичный во дворе, микрорайоне, городе и удачливый в бизнесе брюнет с пышными усами. Она голубоглазая блондинка с тугой косой ниже талии, победительница всех конкурсов красоты, экс – фотомодель.

Он круглосуточно где – то там что – то выколачивает, прокручивает и «наваривает», она одна в пятикомнатной квартире, как царевна в башне, льет слезы. Не живут. Ей хочется блистать в высшем свете, он ревнивец Отелло. Ей скучно от безделья, он третий год не может выпастья. Трагедия налицо.

Или наоборот. Он старый, лысый, толстый, по образованию инженер, постоянно торчит дома и даже сходить отметить на биржу труда ему лень. Она – чуть моложе, слегка кудрявее, незначительно полнее и существенно образованнее, отбойный молоток удерживает двумя пальцами и насквозь пропахла соляжкой. Не живут. Вот уже пятый год она его кормит поганками, солит ему суп цианистым калием, а в кашу подмешивает стрихнин. Он без противоядия за стол не садится, съедает все с аппетитом и улыбочиво просит добавки. Она перепробовала все способы, включая сковородку, он живет всех живых. Трагедия на лице.

А бывает так. Он – вовсе не на что взглянуть, пьет все, что горит, курит все, что дымит, ругает все, на чем свет стоит. Она – кроткая, богобоязненная, мечтает о монастыре и вышивает крестом. Его страстно любят школьницы, пэтэушницы, студентки, аспирантки и пенсионерки. Чужие жены от него без ума. Он всем им успевает не отказать во взаимности. В нее в седьмом классе был тайно влюблен скромный очкастый отрок, который теперь где – то там наверху координирует работу министерств и до сих пор не женат. Не живут. Он не знает, куда ей позвонить. Она когда – то училась в ПТУ. Трагедия в лицах.

И совсем обыденно. Он – средних лет, умеренно начитан, успевает на работе и дома, дружен с тещей, в связях, его порочащих, не замечен, даже зимой дарит цветы и выпивает только в день свадьбы.

Она примерно его возраста, увлечена магией, астрологией, экстрасенсорикой, телекинезом, шаманством, уфологией и гаданием на картах, совмещая все это с общественной нагрузкой. Не живут. Он ей слово, она ему в ответ дюжину. Он ей два, она не умолкает до утра. В квартире три телефона с разными номерами, все три круглосуточно не умолкают. Кошка, не выдержав ритма жизни, сбежала, попугай сдох, кактус завял, последний таракан свалился за ужином с инфарктом. Выкрутасы судьбы. Марш Мендельсона плавно переходит в Реквием Моцарта...

Сердцу не прикажешь

Гаврила Егорыч – бывший колхозный скотник – решил жениться. А куда ему деваться? Времена для него настали трудные: на работу никто не берет, а до пенсии еще два года ждать. Ну, с невестами у нас в деревне проблем нету. Невест полно. Их у нас, как блох на шелудивом кобеле. Одних только вдов разного калибра с полторы дюжины запросто наберется. Так что ежели чего – милости просим.

И вот, значит, задумал Гаврила Егорыч порвать с холостяцкой своей житухой. Но вначале прикинул, кого бы из невест на это дело сагитировать. Васильевна больно стара. Степановна хромает на обе ноги, у Власовны полон дом детей. Перебрал всех. Лучше, чем Мария Ивановна – школьная учительница – не найти. Живет тихо, одна, замуж еще ни разу не ходила. Одевается по – городскому, здороваается вежливо при встрече. Чем не кандидатура?

В субботу, напялив старенький костюм, отправился Гаврила Егорыч на разведку. Мария Ивановна приняла его радушно, пирогами накормила, бутылку на стол выставила. Покалякали они меж собой как интеллигентные люди, то есть ни о чем.

С той поры и зачастил Гаврила Егорыч к учительнице в гости. Через день ходил жениться. Выпьет бутылку, пирог стрескает и на дверь с тоской посматривает. Потом смахнет со стола крошки в ладонь, отправит их в рот и спешит досвиданькаться.

И так с полгода Гаврила Егорыч женихался. Сосед его, Трофимыч, от любопытства инфаркт себе чуть было не нажил. Повиснет на заборе и ждет, когда Гаврила Егорович пойдет в очередной раз подхарчиться. Спрашивает раз:

– Ты когда ж свататься будешь? Засиделся парень в девках, мать твою так и сяк!

– Да ить дело нешуточное, – отвечает ему Гаврила Егорыч, – тут ить все взвесить перво – наперво надо. Ить с бухты – барахты оно завсегда все наперекосяк выходит, мать твою так и сяк.

Ну, а у Марии Ивановны женихов до того не водилось, и как себя с ними вести, она не ведала. С подругами не зналась, а стало быть, и подсказать ей было некому. А может, характер у нее был такой покладистый. В общем, стойко она терпела Егорычеву оккупацию.

Глядишь, может, и выгорело бы у Гаврилы Егорыча его дельце, да организм его подвел самым наглým образом.

Аккурат за день до Пасхи приперся он в очередной раз Марии Ивановне. Как водится, бутылку уговорил. Но, то ли градус в водке был забористей, чем всегда, то ли весенний авитаминоз его здоровье подшатнул, то ли Егорыч плохо выспался накануне. Выпил он, значит, бутылку, собрал в ладонь крошки и... Повело его, повело эдак влево, влево. Потом еще левее. Глаза из орбит повылезали, язык во рту прилип, не ворочается. Схмелел родимый. Ну, Мария Ивановна – добрая душа, подхватила его под локотки, отвела в отдельную комнату, на диван разместила. Все чин чинном. А сама отправилась телевизор сотреть. Смотрит она, значит, телевизор, кофточку довязывает, ничего дурного не предчувствует. Смотрит час, два... Вдруг слышит, как из комнаты крик истошный поднимается. И усиливается, усиливается стократно. Она – добрая душа – мигом туда. Влетает в комнату, включает свет – диван пуст. А крики раздаются из – под письменного стола. Ну, ясное дело, Егорыч по пьяной лавочке с дивана брыкнулся и под стол закатился...

– Просыпаюсь, – потом рассказывал он Трофимычу, – и не пойму, где я. Темно, душно. Рукой влево пошевелил – дерево. Вверх руку задрал – дерево. И, чувствую, башкой в дерево упираюсь. И ногами туда же. Тут я и решил, мать честная, что помер. Что меня в гроб заколотили...

С тех пор Гаврила Егорыч больше к Марии Ивановне ни ногой. Отженихался.

– Сердцу, – говорит, – не прикажешь.
И еще бродят слухи – с выпивкой он завязал.

Из Анталии с любовью

Его знаю давно. Был он не складным и кудрявым малым в смешных очках. Спал много, ел еще больше. Бывало, в общежитии сядем с ним из одной миски постный супчик хлебать, так он черпает ложкой, как веслом. Во всем за ним угнаться было невозможно, все успевал: и успешно учиться, и жениться, и по комсомольской работе продвигаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.